

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ГОРОДА

Акад. Н. С. Державин

Описывая обычаи радимичей, вятичей и северян, киевский летописец говорит, что у них не бывало браков, т. е. свадебного обряда, но игрища между селами, на которых они, по взаимному соглашению брачующихся, умыкали себе жен. Это показание летописца интересно в том отношении, что, несмотря на известное свидетельство Прокопия (VI в.) о том, что славяне жили в дрянных избах, разбросанных на далеком расстоянии одна от другой, оно говорит о наличии у оседлого славянского населения коллективно-поселковых пунктов—сел, деревень и пригородов,—именуемых в латинских источниках для западных славян соответственными латинскими терминами—*villa*, *vicus*, *suburbium*.

О киевских полянах летописец говорит, что они «живяху кождо со своимь родомь на своих местех, владеюще кождо родом своимь»; что некогда у них было три брата—Кый, Щек и Хорив, из которых каждый «седаше на горе», а затем они построили «градок», т. е. небольшой укрепленный пункт, в честь своего старшего брата и назвали этот городок Киевом; «и быше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь». Это показание киевского летописца вполне совпадает с показаниями западных источников (Йордан, Маврикий, Лев Грамматик и др.) о том, что славяне живут в лесах, у рек, болот, у озер, вообще—в неприступных местах. Повидимому, на горах Щекавице, Хоривице и на «увозе» Боричеве были расположены какие-то родовые поселки, давшие основание легенде возвести их к именам трех названных братьев в качестве их основателей, «владеюще кождо родомь своимь». Но, кроме того, в районе этих трех горных поселков, среди густого леса, богатого зверем, имелся и город, т. е. укрепленный (огороженный) пункт—таково исконное значение славянского термина «город»; у чехов и поморских славян это «замок»; в латинских источниках—*urbs*, *civitas*, *oppidum*, *castrum*, *castellum*. Основание города Киева легенда приурочивает к имени старшего из братьев, Кыя. Таким образом, мы имеем в данном случае уже целый поселковый комплекс: в центре стоит укрепленный пункт, город или замок—у западных славян, а вокруг него или рядом с ним расположены тесно организационно с ним связанные родовые поселки, на что, в частности, указывает и приуроченная легендой к этому городу имени старшего из братьев, Кыя, повидимому основателя этого города. Впоследствии такие поселки превращались в подграды или подгороды (*suburbium*, *vicus*). В общем, мы имеем в данном случае типичный для варварского общества раннего средневековья территориально-родовой союз с городом или замком Киевом в центре и с возглавлявшим его старейшиною-князем Кьем во главе.

Интересно при этом отметить, что территорию семейно-родовой общины летописец называет термином «место»: «живяху кождо со своимъ родомъ на своихъ местех». Чешский термин для современного города *město* (др.-сл. *město*) и аналогичный польский *miasto* указывают, повидимому, на то, что территориально-родовая община, по крайней мере у западных славян, не только имела свой город-замок, но этот город, разросшийся с течением времени в населенный торгово-промышленный пункт, играл первенствующую роль на территории старой территориально-родовой общины или общины-марки и, воплощая в себе территорию общины, как центральный нерв ее хозяйственно-административной, торгово-промышленной и военной жизни, стал ее синонимом, откуда, можно предполагать, термин для территории «место» сделался с течением времени и термином для названия центрального населенного пункта этого «места» или территориально-родовой общины, т. е. для города; термин же *hrad* в современном чешском языке сохранился только в его исконном значении—«замок». В таком же значении термин «город» сохранился и в польском языке—*gród*, а укрепление меньших размеров, т. е. небольшой замок,—*grodek*. Сербы для названия города в современном смысле этого слова пользуются термином «варош», означавшим первоначально только «крепость», «замок»; сербск. «град» означает прежде всего «крепость», потом «город». Тот же термин и в таком же значении имеется и у словинцев. У сербов-лужичан—*hród* и *gród* означают только «замок», «крепость». В болгарском языке термин «град» и однозначный с ним русский «город» представляют собою в современном речевом употреблении так наз. тропизмы, т. е. термины с переносным значением, охватывающим не только собственно город-кремль, но старый город-кремль со всеми примыкающими к нему подгородами и весями. Такие славянские города-крепости в византийских источниках обычно называются термином τὸ κάστρον, т. е. укрепленное место, лагерь, крепость¹.

У черногорцев и до настоящего времени словом «град» называется прочно построенный, каменный жилой дом. В этом смысле термин «град» у южных славян часто фигурирует и в их народных песнях. В древнее время эти дома-грады у южных славян служили местами собраний членов рода².

В других языках индоевропейской системы мы имеем следующие параллели к др.-слав. «градъ», русск. «город»: алб. *gar-đ*, чл. ф.-*đi*—«плетень»; готск. *garda*, др.-верхнем. *garto*—«засека», «ограда», «сад»; лит. *gardas*—«огороженное забором место», «плетень»; там же *žardis*—«обширное огороженное пастбище»; рядом должны быть поставлены др.-слав. «жърдь», русск. «жердь», белор. и польск. *žerdź*; др.-прусс. *sardis*—«плетень»; греч. *χῆρος*—«изгородь», «двор»; лат. *hortus*—«сад» и др.³

В. М. Флоринский в исследовании «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», (ч. I, Томск, 1894) ставил русский термин «город» в связь со словом «гора», которым в русском языке называется всякая земная возвышенность, в том числе, чаще всего, «высокий речной берег»; ср. нем. *Berg*, слав. «брег» и *Burg*—«укрепленное место, замок». «Пункты первых оседлых поселений,—говорит автор,—а тем более укрепленных мест всегда избирались на возвышенностях, защищаемых самою природою. Поэтому с горою могло быть связано первое представление о естественной крепости, и отсюда могло, со временем, выделиться частное понятие об ограждении и о городе как центре укрепления и защиты окрест-

¹ Dr. E. Verneker, *Slavisches etym. Wörterbuch*. Heidelberg, стр. 230.

² С. С. Бобчев, *История на старобългарското право*. София, 1910, стр. 266.

³ E. Verneker, *op. cit.*, стр. 231.

ной страны». Догадка В. М. Флоринского о связи русск. «город» с «гора» основательна и вполне отвечает семантическому ряду: «небо (бог)—гора—город» или «небо—гора—голова»¹.

Наличность термина «город» в том или ином звуковом оформлении почти во всех языках индоевропейской системы свидетельствует о том, что этот термин представляет собою заведомо доиндоевропейское отложение в этих языках, что ведет нас в глубокую древность истории человечества и его общественно-политического строя—с одной стороны, и с другой—подсказывает единственно правильный путь разрешения проблемы происхождения этого термина в обращении к языкам доиндоевропейской системы.

Чутье исследователя не изменило проф. В. М. Флоринскому, когда в названном выше труде он толковал термин «город» как составное двусловное слово, первая часть которого *горо-* и вторая *-д*. Не располагая в свое время теми данными, которыми, благодаря трудам Н. Я. Марра, располагает наша современная наука, и опираясь, совершенно естественно, только на данные индоевропейской лингвистики, проф. Флоринский видел в конечном *-д* в слове «город» след какого-либо санскритского корня, напр. *dai*, дѣяти или *dā*, *dayati* (*binden*)—соединять, замыкать, скреплять. Отсюда, по автору, санскритское *gardha*—«замкнутое пространство», зендск. *geredha*—«полость, впадина, пещера». «Из этих двух корней *gar-*, *giri-* «гора», и *dā-* «замыкать, скреплять» могло образоваться,—говорит Флоринский,—слово, выражающее понятие об укреплении, замкнутой горной возвышенности, соответствующее славянскому «горо-д, городок». Основываясь на приведенной этимологии слова «город», мы можем думать, что у славянского племени города или укрепленные городки существовали с самых отдаленных времен и строились они на возвышенных местах или на высоком берегу реки, каковыми действительно оказывается большинство древних русских городищ»².

На термине «город» в яфетических языках неоднократно останавливался Н. Я. Марр во многих своих работах. Анализируя латинские термины для «города»—*urbs* и *oppidum*, Н. Я. Марр пришел к заключению, что оба эти термина первично означали одинаково «крепость», сосредоточение той или иной организации, не исключая разбойничьей по своим действиям,—и «резиденцию феодала с дружиной», и «торговый пункт», и, конечно, «культовой центр». В первобытные эпохи соответственной общности, по словам Марра, и то, и другое, и третье, и четвертое—одновременно, почему название города не могло не означать также одновременно сосредоточения, «крепости», «окружения», «круга», следовательно, палеонтологически в ту эпоху—«неба», сборища с неизбежной для его питания меновой куплей-продажей, т. е. «торжища-города», а также неизбежно названия божества, культ которого был сосредоточен в данном городе, т. е. тотема данной племенной организации.

В докладе «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» Н. Я. Марр подчеркнул «особую организующую роль городов с доисторических времен и в связи с этим более легкую подвижность их строителей, их особый племенной состав, как класса-организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое объединение или военная дружина»³.

¹ Ср. чувашск. *Turǵ*—*Toǵ* «бог», значившее первично «небо»; оно же означало и «гору», отсюда в усеченной форме *tu*—«гора». См. Н. Я. Марр, Чувашско-яфетиды на Волге. «Избр. раб.», т. V, 1935, стр. 326.

² В. М. Флоринский, Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, ч. I. Томск, 1894, стр. 134.

³ «Избр. раб.», т. V, стр. 310—322.

Для того чтобы еще ближе подойти к палеонтологическому разъяснению славянского термина «город», который представляет собою доиндоевропейское наследие в языках индоевропейской системы, в том числе и в славянских языках, отметим интересный в этом смысле материал из удмуртского языка. «По палеонтологии речи установлено, — говорит Марр, — что «деревня», «город», «мир» или «вселенная» носили одно и то же название. По-удмуртски «деревня» *gurt* → *kurt*, «город» — *kar* — по акающей группе, а по окающей — *kur* в клинописи есть название и «стран» и «городов»¹. «Так-то, — замечает Марр, — *gurta* с *kar* как будто слова различные: на самом деле, помимо общности первой основной части, рядом с *gurta* → *kurta* в значении «города» налицо и *karða* и его двойник *kar-ǵe*. Это, как уже разъяснялось, в Африке название *Nar-ǵa-go* [*n*]—*gin* || *kar-ǵe-don*, город досемитический так же, как Ольвия у нас доэллинская»².

«От яфетических *gurta* → *kurta* || *karða* один шаг до **gord* — «град» и «город», представляющий собою другой тип основы, сравнительно с *gurta* → *kurta*, с окающей огласовкой и с озвончением конечного согласного *t* → *d*»³.

*

Как правило, каждое племя у славян имело один главный город. Такими городами, например, у восточных славян в X в., по Константину Багрянородному, были: у полян — Самбатас (Киев), у северян — Чернигога (Чернигов), у кривичей — Милиницка (Смоленск), у словен — Немогарда (Новгород) и др. У чехов и моравян города в древности назывались по именам своих племен, т. е. город собственного имени здесь не имел, его имело только племя; таковы, например, названия городов: *Dudleby*, *Netolici*, *Děčany*, *Holasovice*. Так же назывались здесь и села — по имени своих родов: *Vojnici*, *Vojmany*, *Mnětici*, *Domazilici* и др. Если же на территории одного и того же племени, кроме главного города, имелись и другие города, то эти последние назывались уже либо по имени своего основателя, либо по своему положению. Таковы, например, у чехов: *Tetin*, *Ljubošin*, *Kazin*, *Děvin*, *Chvrasten* (впоследствии — Вышеград), *Praga*, *Budeč*; у полабских хорватов — *Časlav*, *Lutomysl*, *Vratislav*, *Uzetov*, *Havran*, *Chlumec*, (*Dobroslavlv*); у моравян — *Olomuc*, *Prerow*, *Brno*, *Znojem*, *Usobrno* и др. У чехов и моравян, по данным чешского историка права Герменгильда Иречека, вплоть до XII в. существовали только *hrady* и *dědiny*, т. е. укрепленные замки и наследственно-родовые поселки; города в современном смысле слова, чешск. *město*, возникли здесь только в XIII в. Иречек утверждает, что так же было и у всех прочих славян, т. е. не только у западных, но и у восточных и южных. Поэтому такие термины латинских хроник, как *urbs*, *civitas*, *oppidum*, *castrum*, по Иречку, следует понимать только как «замок», но не как «город» в нашем смысле слова. Хронисты же, писавшие по-славянски, не знают в этом случае другого термина кроме «град», «город», который Иречек передает чешским термином *hrad*. Названные выше латинские термины употребляются в источниках безразлично, т. е. один и тот же город у одного и того же автора одновременно или у разных авторов может называться любым из этих терминов. Так, например, город Болеслав у Козьмы Пражского (1039—1125) называется то *urbs*, то *oppidum*, то *civitas*; в славянской же легенде о св. Вячеславе тот же город называется термином «град»: «ѣха ко Болеславлю-граду», «из Болеславля-града». Славянское имя города *Levy Hradec* Козьма называет

¹ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. «Избр. работы», т. V, стр. 508.

² Там же.

³ О суффиксе -ǵa- см. Н. Я. Марр, Сухум и Туапсе. «Избр. раб.», т. V, стр. 158.

то oppidum, то castrum; Vyšehrad у того же автора называется то urbs, то civitas, то oppidum. Интересно при этом отметить, что название того же города Вышеграда дословно переводилось на латинский язык, как *altior civitatibus* (1070)¹.

*

В древнейшее время города у славян строились из земли и только позже стали строиться из камня и кирпича. У некоторых славян города носили названия по материалу постройки. Чешский историк права Карол Кадлец отмечает, между прочим, что встречающиеся у разных славянских племен многочисленные Белгороды получили свое название оттого, что строились из камня и затем были выбелены. В противоположность этому названия нескольких городов, как Землин, т. е. «земляной», вроде Земун и Землин в Югославии или «Черный город» вроде венгерских Csongrad из слав. Чрынград, или Surungrad, известный в древности под латинским названием *Castrum nigrum*, указывают на то, что они были построены из земли. Для постройки «белых городов» наиболее удобным местом были возвышенности и скалы, где под рукою имелось много камня; для постройки же «черных городов» — равнины, особенно болота, где строились на сваях «болотные города». Так некоторые города и назывались; например, *Blatno (urbs Paludarum)*, Мозабург над Блатенским озером в Венгрии и Мозабург в Каринтии².

Особенно много городов-крепостей было у полабских и прибалтийских славян, что стояло в тесной связи с их международным положением и постоянно угрожавшей им опасностью со стороны соседней-неприятелей, каковыми были не только немцы, но и собственные братья-славяне. Эти города-крепости, за стенами которых в случае неприятельского нападения население со своим имуществом находило себе убежище, строились или на возвышенностях, или на болотах, т. е. в местностях, защищенных самою природой. Они представляли собою пустую или застроенную зданиями местность, обнесенную округлым валом, который иногда укреплялся еще частоколом и бревнами. Здесь же обыкновенно помещались и святилища³. По данным географического баварского отрывка IX—X в. *Descriptio civitatum et regionum*, у племени ободритов, или бодричей, в это время было 53 таких города-крепости, у племени велетов, то же — вильчан, или вильцев, — 95; у глинян, или линиян, — 7; у сорабов, которых цитируемый источник называет *surbii*, было 50 городов; лужичи и милчане имели по 30 городов; додешане — 20; какое-то племя, фигурирующее в этом источнике под именем *osterabtrezi*, имело свыше 100 городов⁴. В мирное время большинство этих городов-крепостей оставались, конечно, пусты, как, например, город Кореница на острове Руяне, о котором Саксон Грамматик говорит: *locus pacis tempore desertus*. Но во время войны сюда стекалось все окрестное население, и в борьбе с неприятелями, в отстаивании своей независимости эти города становились его опорными пунктами⁵.

¹ Н. Jireček, *Slovanské právo v Čechách a na Moravě*. V Praze, 1863, стр. 41 сл.

² Karol Kadlec, *O politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich przed X wiekiem*. «Początki kultury słowiańskiej», изд. «Encyklopedia Polska» Краковской Акад. наук, т. IV, вып. 2.

³ А. Котляревский, *Древности права балтийских славян*, ч. I. Прага, 1874, стр. 34; см. подробное описание «Равенсбергского городища» у В. М. Флоринского, *цит. соч.*, т. I, стр. 157 сл.; здесь же имеются указания на старую литературу предмета и приводится обширный материал по городскому строительству у разных народов.

⁴ А. Котляревский, *цит. соч.*, стр. 34; Karol Kadlec, *Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves*. Paris, 1933, стр. 22 сл.

⁵ А. Котляревский, *цит. соч.*, стр. 35.

Это был наиболее ранний тип городов у поморско-балтийских славян. Другой тип, более поздний, представляли собою особые крепости, возникшие вследствие потребности обезопасить внешние пределы страны, куда также во время угрожающей опасности стекалось окрестное население, но эти крепости уже имели у себя постоянный гарнизон, или стражу. Такие крепости строились главным образом на границах племенных объединений, отчасти и внутри страны. В историческое время такими именно городами были почти все славянские города на балтийском Поморье. Наиболее известными городами у полабских и прибалтийских славян были: 1) у ободричей—Вилиград, обычно именуемый в источниках Miklinburg, Зверин, Виссемир, или Висмар, Розток у устья Варны; 2) у вагров—Старград; 3) у полабан—Ратибор, нынешний Ratzeburg, и Любице, нынешний Любек; 4) у лютичей, или велетов (вильцев),—Дымин, Волегощ, Узноим и Волин (Юмна, Винета, Волын); 5) у поморян—Щетин, *civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum*; Камин, Колобрег и Белград; 6) у запенян—нынешний немецкий Gützkow; 7) у ратарей—Радегост, впоследствии Ретра, имевший девять ворот и знаменитый храм с золотой статуей бога Сварожича-Радегоста. Ретра считалась германцами одним из главнейших языческих городов. Источники говорят об этом городе: *civitas vulgatissima Rethre, sedes ydololatriae, metropolis Sclavorum Rethre, antiquissima urbs*; расположен был этот город в районе Доленского озера, теперь Tollensee; 8) у племени руян, они же—раны, руны и рутены, т. е. русские,—город Аркона, славившийся своими несметными богатствами и храмом, посвященным богу Свантовиту; город Кореница, теперь Garz, с храмами Ругевита, Поревита и Поренутия, и др.

Большое количество городов-крепостей, т. е. замков, имела в древности Польша. Наиболее укрепленными из них, по свидетельству анонима Галла (XII в.), были: Познань, Гнезно, Владислав и Гдеч—*de aliis vero civitatibus et castellis et nobis longus et infinitus labor est enarrare, et vobis forsitan fastidiosum fuerit hoc audire* (а о других городах и нам было бы в долгий и бесконечный труд рассказывать, и вам, быть может, слушать)¹. К числу древнейших городов в Польше относятся также два города у вислян, племени, раньше всех выступающего в источниках: города Краков и Вислица².

«Княжеские укрепления», известные в источниках под именем *castra principis*, деревянные или каменные, строились в Польше как в пограничных местностях (*in finibus regionum, ukrainne zamki*),—по выражению анонима Галла, *in finibus regionum ab hostibus conservandis*;—так и внутри страны по пути неприятельских набегов. *Nunciatum Pomeranos exivisse*,—говорит тот же источник,—*contra Zutok (Zantok) regni custodium et clavem*. Замок этот находился на пути набегов из Померании³. Из чешской истории известен интересный в этом смысле приказ князя Болеслава от 932 г., о котором сообщает Козьма Пражский. В этом приказе читаем следующие строки: *Hic volo et jubeo, ut mihi opere romano aedificetis murum urbis nimis altum per gyrum*. Население сопротивляется распоряжению князя, возлагающего на него тяжелую повинность—строить для князя высокий круглый каменный замок в римском стиле. Князь убивает одного из сопротивляющихся, et statim, продолжает далее источник, *ad ducis voluntatem edificavit civitatem spisso et alto muro* (с крепкою и высокою стеною), *opere romano, sicut hodie cernitur* (как он виден и по сей день), *quae ex*

¹ Данилович, Исторический взгляд на древнее образование городов, «Русский исторический сборник Погодина», т. IV, кн. 2 и 3. М., 1841, стр. 192.

² M. Bobrzynski, Dzieje Polski w zarysie, т. I, 1927, изд. 4-е, стр. 57.

³ Данилович, цит. соч., стр. 183 сл.

nomine conditoris Boleslav dicitur. Аноним Галл говорит об одном из таких польских замков: *Castrum Bitom munitione situque naturae et aquarum circumicione inexpugnabile*¹.

Как можно видеть из цитированного выше приказа Болеслава, замки в Чехии (Богемии) строились круглой формы (*per gurgum*); в Польше такие замки строились четырехугольные. Как в Богемии, так и в Польше они строились на естественных или насыпных холмах и имели по углам зубчатые сторожевые башни (*turres*), отчего получили название *urbes turritae* (башенные замки).

Как у южных, так и у западных славян постройка этих городов-крепостей, или замков, лежала на обязанности населения, составляла одну из его «всеобщих повинностей», от которой освобождались только привилегированные лица и монастыри. На обязанности же населения лежал ремонт этих крепостей, поставка военной стражи (*custodia, burgardia, stróža*), снабжение построенных в крепости магазинов продовольствием и фуражом. Начиная с XII в., грамоты говорят об освобождении монастырских крестьян от обязанности постройки и ремонта княжеских замков. Например, в одной грамоте от 1145 г. читаем: *Absolvimus omnes homines (monasterii) a stróža... a castrorum edificatione seu pontium quorumlibet*. В грамоте от 1203 г. читаем о монастырских крестьянах: *Nec castra principis construent, vel emendabunt aliquid, nec ad expedicionum ibunt*².

*

По характеристике проф. М. Бобжинского, польский замок был центром хозяйственной и политической жизни народа. Это были места, укрепленные прежде всего своим естественным положением, а затем расположенные либо на взгорье, либо среди непроходимых лесов и болот, окруженные рвом, валом или засеками. В замках собиралось вече, отправлялось богослужение, производился обмен продуктами земледельческого и промышленного труда; здесь же народ хранил хлебные запасы на случай надобности; сюда, наконец, в минуты опасности он укрывал свое имущество. В мирное время в замке оставалась дежурная стража или гарнизон из населения, но вообще замок оставался пустынным и ни в малейшей степени не имел характера города. Если же у народа имелся князь, то он жил в замке; его личный двор придавал замку больше живости, но это еще не делало замок городом³.

Константин Багрянородный (X в.) называет у сербов города: Десница, Чернабуча, Медюреч, Дрежник, или Дресник, Лешница, Солина; в Боснии—Катера и Десник; в княжестве захлумском—Хлум, Стагنون, Мокреск, Дабреск; в Пагании—Острог, Лабиница, Мокро, Вруля и т. д.⁴

Древнейшими городами у болгар, известными с VII—X вв., были: Преславец, русск. Переяславец на Дунае, первый укрепленный пункт Аспаруха, с VII в.—Плиска, или Плесков, второй Преслав, основанный тем же Аспарухом в VII в., столица Болгарии до Симеона; Великий Преслав на реке Тиче (с X в.)—столица Болгарии со времени Симеона; Варна (с VII в.), Дичин, Дристор (Силистра), Средец (Сердика), позднее (с IX в.) Триадица (нынешняя София), Преспа, Охрид, Мьглен, Воден

¹ Данилович, цит. соч., стр. 184, прим. I.

² Там же, стр. 183—185; Бобчев, цит. соч., стр. 266; подробнее о чешских и западнославянских городах см. обстоятельное исследование Dr. J. L. Pič, *Starožitnosti země české. Díl III. Čechy za doby knížeci. Svazek I. V Praze, 1909.*

³ *Dzieje Polskie w zarysie. Wyd. 4-te, t. I, 1927, § 3, стр. 52 сл.*

⁴ В. М а к у ш е в, *Сказания иностранцев о быте и нравах славян. Спб., 1861. стр. 114.*

в Македонии и др., Търново (с XI в.)—столица второго болгарского царства¹.

Если не оказывалось подходящего по природным условиям места для постройки укрепленного места, славяне на полуострове ограничивались в таком случае неприступной с двух—трех сторон горной вершиной и пользовались ею как своим убежищем на случай нападения неприятеля. На равнинах для постройки укрепления они обыкновенно выбирали какой-нибудь болотистый участок, окружали его земляным валом, укрепленным хворостом и деревьями, и снаружи окружали рвом, оставляя один вход в такое укрепление. Кроме того, для тех же целей славяне использовали старые, хорошо сохранившиеся или полуразрушенные укрепленные пункты своих предшественников. Такие укрепленные пункты у болгар известны под именем «градище», русск. «городище», польск. *gradisko*. При благоприятных природных условиях местности с течением времени вокруг градища группировалось на постоянное жительство население—ремесленники, торговцы, крестьяне. Разросшись количественно, это население окружало свой пригород новым валом, плетневой или бревенчатой оградой, или рвом, наполненным водою. Так возникал новый город, или место, в древнем значении этого слова. Последующие насельники такого «Новгорода» образовывали подградия, или подгороды (*suburbium, vicus*), которые в свою очередь с течением времени огораживались новой защитительной стеною. Таким образом, старый военный укрепленный пункт, город-крепость, или градище (хисарь), царев кремль (др.-русск. «детинец») с течением времени превращался в торгово-промышленный центр².

Древнейшим типом городов у восточных славян в IX—X вв. были земляные города, т. е. укрепленные пункты, огороженные земляным валом, который в летописях называется «спом», «приспом», «переспом», «осыпью» (ср. русск. «насыпь»), впоследствии—«валом», «земляною стеною», или «земляным городом»³. О высоте этих валов можно судить по уцелевшим их остаткам. Так, например, Костромской вал имеет отвесную высоту 10 саж., Стародубский—6—8 саж., Суздальский—8—10 саж.; Белозерский—8 саж., Могальский—10 саж. и т. п. С наружной стороны этот вал был окружен рвом глубиной от 2 до 4 саж. Памятниками таких городов являются Новгородское городище, находящееся к югу от Новгорода, на правом берегу Волхова; Старая Ладога (село Успенское) на левом берегу Волхова, только впоследствии она была обнесена деревянными стенами, а в XII в.—каменными; Изборское городище; Старая Рязань, Киев до IX в., Владимир на Клязьме, Тверь и расположенный недалеко от Твери древний город, известный сейчас под именем «Пекуновское городище», и др.

С IX в. у восточных славян начинают строиться деревянные города типа острога, т. е. стены из срубов, наполненных землей⁴. Эти деревянные укрепления воздвигались или на старом земляном валу, или позади вала, образуя таким образом вторую линию укреплений.

О постройке земляных городов читаем в летописи: «и пришед (Володимир) из Киева в Суздальскую землю постави град во свое имя Володимир и спом сыспа» (Воскр. летопись под 6498 г.—990). В войне с Ярополком Владимир, осаждая Киев, окружил свой стан окопами: «и стоя Володимир обрывся на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем, и есть ров

¹ Там же; С. С. Б о б ч е в, цит. соч., стр. 268.

² Там же, стр. 266—268.

³ Повидимому, этот термин отложился в названии нынешнего озера Пресла в Македонии, среди которого имеется остров с городищем и поселком, известным, однако, под именем «Град».

⁴ Ср. название город «Острог» в Ровенской обл. УССР.

тот и до сего дни». «В лето 6654 (1146)... и поидоша к Новгороду, и пришедше сташа у переспы...» О построении деревянных городов в летописи употребляются уже другие выражения: «поча города рубити» или «города ставити». «Прия Рюрик власть всю один и пришед к Ильменю и сруби город над Волховом и прозваша Новгород».

По свидетельству русских историков, каменные города (стены) стали строиться у восточных славян в XI в. Первая каменная городская стена была построена в Киеве великим князем Ярославом в 1037 г. В 1044 г. был построен каменный детинец Новгорода. В 6622 (1114) г. «заложен бысть Ладога камением на приспе» (Ипатьевский список), т. е. на вершине старого земляного вала¹.

Образцом городского строительства у восточных славян может служить старейший в X в. город Северянской земли, Чернигов, расположенный, как это обычно для древнеславянских городов, на высоком берегу Десны. По археологическим данным, сообщаемым проф. Д. Самоквасовым, первоначально гор. Чернигов занимал только площадь в размере около 500 аршин в окружности; впоследствии это так наз. «детинец». В XI в. город Чернигов составляли уже два города,—внутренний, «днешний город», или «детинец», впоследствии «кремль», или «кремник», и наружный, или «окольный город», или «кромный город», или просто «Кром», и занимал в составе этих двух городов уже очень большую площадь. Впоследствии к этой площади был прибавлен третий город, а в московское время к трем старым городам был присоединен четвертый, площадь которого тоже была обведена земляным валом и рвом².

Картину быстрого роста славянских городов в X—XII вв. рисует следующий летописный рассказ о построении города Холма и последующем его расширении как княжеской резиденции: князь Даниил «виде место красно и лесно на горе, обходящу округ его поле, и вопроша тоземець: «како именуется место се?» Они же рекоша: «Холм ему имя есть». И возлюбив место то...; и сотвори градець мал, и видев же, яко бог помощник ему и Иоан спешник ему есть; и созда град иный...; и нача призывати прихожае Немце, и Русь, иноязы ники, и Ляхи; идяху день и во день, и уноты, и мастере всяции бежаху из татар, седельници и лучници, и тулници, и кузнице железу и меди и серебру, и бе жизнь и наполниша двory окрест града поле, и селы...»³

Что касается названия для внутренней части города-крепости «днешний город» или «детинец», то первый термин возводят обыкновенно к наречному образованию «дне»—«внутри», образованного от существ. «дна»—«магва», «внутренность». Второй же термин «детинец» не имеет определенного толкования: некоторые возводили его к глаголу «деть» или «девать», т. е. помещать, укрывать во время угрожающей городу военной опасности имущество и ценности, в том числе и детей. Таким образом, детинец означает «обеспеченное убежище для детей». Наконец, ввиду того, что телохранитель при князе в старину назывался «детский отрок» и что эти телохранители составляли отборную княжескую гвардию, помещавшуюся во внутренней, центральной части города-крепости, и имели своим назначением охрану князя и его семейства, предполагают, что «детинец» означает или место для охраны князя, или место, поручаемое защите его личных

¹ В. М. Флоринский, цит. соч., гл. IV, стр. 133—183.

² Подобно Чернигову, Новгород имел внутренний и внешний город; Киев—старый Киев и великий Киев; Владимир—новый и печерный город; Москва—белый город, земляной город, деревянный город и Китай-город и т. п. (Самоквасов, подробнее Пич).

³ Д. Самоквасов, Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 35 сл.

телохранителей¹. Что касается термина «кремль», или «кремник», то в старину так называлась центральная часть города-крепости, огороженная каменной стеною. Истолкование этого термина в свое время дал Н. Я. Марр в статье «Бретонская нацменовская речь в увязке языков Аффревразии» (IV, стр. 198—229), увязав его происхождение с тою же основой *kar*, которая присутствует и в наименовании гор «Карпаты» и имеет в данном случае значение «камень», затем—«гора». В халдском клинописном языке Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н. э., отмечено слово *karī*, или *karri*, в значении «камень», первая же часть этого термина *kar-* в том же халдском языке значит «крепость», «замок». К этой основе Н. Я. Марр возводит и русский термин «кремль».

По подсчету И. И. Срезневского, в Киевской Руси во время Игоря (X в.) было свыше 20 городов: Белоозеро, Витичев, Вручев, Вышьгород, Изборск, Киев, Коростень, Ладога, Любечь, Муром, Новгород, Овруч, Перемышль, Пересечен, Полоцк, Псков, Родня, Смоленск, Туров, Червень и Чернигов².

В летописи по Лаврентьевскому списку говорится: «Рюрик раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро», а в Ипатьевском списке эти города именуются волостями: «Рюрик... раздая мужем своим волости...—овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро». В 1908 г. проф. Самоквасов подчеркнул, что такой же смысл слова «город» и «волость» имеют в известном летописном свидетельстве о стародавних вечах русских славян: «Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кылине, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на веча сходятся, на что же старейшии судмають, на том же пригороди стануть»³. Отметим попутно, что аналогичную картину политического строя мы наблюдаем в самом начале XII в. и в федерации городских волостей западного Поморья, в состав которой входили города—Щетин, Волин, Узноим, Пырица и Камень. Старейшим городом был Щетин, остальные города-волости по отношению к нему были пригородами. Во главе федерации стоял князь Вартислав, резиденцией которого был пригород Камень. Когда насаждавший здесь по поручению польского князя Болеслава христианство епископ Оттон Бамбергский, посетив Пырицу и Камень, явился в Волин, старейшины города, посоветовавшись между собою, заявили Оттону, что было бы неправильно с их стороны принять новую веру, которую не принял еще Щетин, и что они не могут нарушить давний обычай своих предков без дозволения почитаемых ими сановников Щетина. Это заставило Оттона отправиться в Щетин. Угрожаемые разгромом страны со стороны Болеслава, щетинцы решили принять христианство, и только после этого такое же решение приняли и волинцы⁴.

О восточных славянах в первой половине X в. писал Аль-Масуди, отметивший, между прочим, что «они имеют много городов» и что «первый из славянских царей», «царь Дира—имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами»⁵. Этою столицею государства царя Диры был город Киев, именуемый у современника Масуди, персидского писателя Аль-Истахри⁶, Куяба. Эти купцы прибывали в Киев не только в X в., но и значительно ранее, вероятно еще со времен римского владычества

¹ В. М. Флоринский, цит. соч., I, стр. 135.

² Цитирую по Макушеву, стр. 113.

³ Д. Самоквасов, цит. соч. М., 1908, стр. 27.

⁴ М. Любавский, История западных славян. М., 1918, стр. 38 сл.

⁵ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870, стр. 137.

⁶ Там же, стр. 193.

в Дакии, о чем говорят многочисленные клады римских монет, найденные на территории Киева и его области; приходили они не только с востока и запада, но также с севера и юга. Торговые сношения Киева с Византией засвидетельствованы для IX в. К этому времени «путь из варяг в греки» пользуется уже широкой международной известностью. С X в. завязываются торговые сношения Руси с Западом через Польшу, и этому именно обстоятельству аноним Галл приписывает первые начатки знакомства Запада с Польшей, где она была почти неведомой страной. *Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio, paucis nota,*—говорит Галл. В XI в. Киев поражал Дитмара Мерзбургского своим народонаселением, количеством церквей, восемью рынками и несметными богатствами товаров. В XII в. Киев уже имел регулярные торговые связи с Регенсбургом. Регенсбургские кушцы имели здесь свои торговые дома, а отправлялись они в Киев за покупкою меховых товаров через Энс и Вену. Киев в это время славился на Западе как мировой рынок меховых товаров¹.

Таким образом, некогда город-крепость Кья, Киев, он же Куяба и Sambatas, уже к XI в. вырос в мировой торгово-промышленный центр, т. е. стал городом в современном смысле слова.

Широкую градостроительную деятельность в Киевской Руси летопись связывает с именем Владимира Святославича, о котором под 988 г. читаем: «Рече Володимер: се не добро, еже мал город около Киева» (что, очевидно, делало Киев малозащищенным с восточной стороны), «и нача ставити города по Десе и по Востри и по Трубежеви и по Суле и по Стугне, и поча нарубати муже лучшие от Словен и от Кривич и от Чуди и от Вятч, и от сих наслели грады»².

Археологические изыскания проф. Самоквасова на территории Северянской земли вскрыли наличие здесь не менее 300 городищ, правда, различных культур, начиная с каменной. По летописным же данным, в Северянской земле было 72 города, известных по именам, но так как летопись, говоря о том или ином городе, не всегда называет его имя, то можно предполагать, что число городов на территории Северянской земли в действительности было значительно больше³. По тем же данным, большое количество городов имелось в древности и в других районах. Так, например, летопись говорит о 80 городах на Дунае, взятых Святославом Игоревичем в 967 г.; о 8 городах, лежащих по Волге между Кснятинским и Угличем, на пространстве около 60 верст; о многих городах, лежавших по Десе между Сосницею и Черниговом, и по Днепру, между Вышгородом и Речицею, и т. д.⁴

Проф. Д. Самоквасов, стоявший на точке зрения, что «общественная жизнь русских славян началась городом, а не хутором» и что «из городов уже, по истечении многих лет их существования, русское народонаселение стало занимать открытые местности и образовало села и хутора» (там же, стр. 47 и др.), установил на основании археологического материала и показаний письменных источников, «что в России дотатарского времени существовали многие тысячи городов, по бесспорному фактическому материалу» (там же, стр. 48). Если допустить, что каждый населенный пункт, независимо от его размеров, количества населения, политического значения и торгово-промышленной роли в ряду других населенных пунктов данной территории, имел свой город, т. е. естественное или природное укрепление в виде, например, неприступной горной вершины и т. п.,

¹ См. Данилович, цит. соч., стр. 165, сл.

² Цитирую по Самоквасову, цит. соч., стр. 24.

³ Там же, стр. 32—34.

⁴ Там же, стр. 12.

или соответственным образом искусственно укрепленную площадку-бастион, тогда, пожалуй, можно было бы согласиться с Самоквасовым, что общественная жизнь русских славян, как и других народов, началась городом, а не хутором и не селом, что как-будто подтверждается показаниями летописи, рассказывающей, например, о том, что древляне, разбитые в поле войсками Ольги и Святослава, «побегоша и затворишася в градех своих»; княгиня Ольга, «посла ко граду, глаголющи: что хочете доседети? а вси грады ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя»; «уличи и тиверци седяху по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеви; и бе множество их... суть городи их и до сего дне» и т. п. Однако наличие села у восточных славян, вопреки утверждению Самоквасова, засвидетельствована летописью, как западными источниками засвидетельствована наличие поселка (*vicus*) для западных славян. Существенная разница между населенными пунктами у славян в древности определялась не наличием города-крепости или *hrad'a* и *hradec'a*, *grad'a* и *grodek'a*, а организационно-политическими функциями того или иного города, с которыми естественно было связано и дальнейшее развитие отдельных населенных пунктов, которое с течением времени привело одни из городов-крепостей к образованию позднейших, так наз. старейших городов как центров организационно-политической, торгово-промышленной, культурной и религиозной жизни всей волости, или жупы, другие—к образованию пригородов, а третьи оставило на исконном их положении сельского поселка, т. е. села. Таким образом, если исходить из допущения, что каждый населенный пункт, независимо от количества его населения и размеров занимаемой им территории, имел свой укрепленный бастион, и совершенно игнорировать затем естественный исторический процесс развития этих населенных пунктов, не одинаковый для каждого из них в отдельности, тогда только можно было бы согласиться с теорией Самоквасова, которая, отвергая теорию родового и общинного быта на догосударственной стадии жизни славян, исходила из положения, что «на низшей ступени культуры и гражданственности оседлых народов область, занятая данным земледельческим племенем, является заселенной только городскими общинами, состоящими в полной политической разрозненности», причем «каждый городок с прилегающим к нему участком земли составляет территорию автократической общины, управляемой общинным собранием и городским начальником, над которым нет высшей власти, кроме веча общины»¹.

Кроме того, одним из основных назначений городов-крепостей, согласно показаниям всех источников, было служить местом укрытия для простого населения от угрожавшего неприятеля (*refugium*): укрываясь в города, народ сносил сюда и свои наиболее ценные для него пожитки. Отсюда, вопреки утверждению Самоквасова, явствует, что народ жил не только в подгородах, но и за пределами городов и подгородей, т. е. в селах, чешск. *dědiny* и т. д.².

Остатки древних славянских городищ, эти *tumuli slavicales*, или *tumuli veterum Slavorum*, нередко поражают наблюдателя огромностью своих размеров, ввиду чего постройка их часто связывается народным преданием с исполинами, как *tumulus gigantis*. Таков, например, славян-

¹ Цит. соч., стр. 58; подробное обоснование своей точки зрения проф. Д. Я. Самоквасов дал в своих «Исследованиях по истории русского права», вып. I. М., 1896, гл. VI—VII, стр. 83—107.

² Подробнее об этом см. у Pič'a, цит. соч., специальная глава «Učel a význam hradíšť», стр. 298—323, 323—328; Karol Kadlec, O politycznym ustroju Słowian i pr., стр. 31—72; O. Balzer, Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej. «Kwartalnik Historyczny», Rocznik XXIV, zes. 3—4, 1910, стр. 359—406.

ский курган на острове Рюгене (ранее XI в.), именуемый *Doberwor*, по-славянски Добевор. О нем рассказывается, будто он воздвигнут мгновенно (*doba*) исполином, высыпавшим песок из меха (*wor*). Это толкование исторического названия представляет собою не что иное, конечно, как обычное народное осмысление забытого значения старого термина, но устанавливаемая преданием связь его с исполином указывает на грандиозность сооружения. Такие же легенды связаны и со многими курганами или остатками древних земляных валов в Польше¹.

О чешских городищах (*hradište*), как колоссальных памятниках далекого прошлого, вызывающих даже своими остатками удивление, говорит чешский археолог *Dr. J. L. Piš*². Особенно в этом смысле у чехов обращает на себя внимание городища с остатками обожженных каменных валов, приписываемые иногда предполагаемым дославянским населенникам территории Чехии, кельтам боийам. Таких городищ в Чехии, по данным Пича, имеется девять. В своем прекрасно изданном труде Пич дает подробное, интересное описание разнообразных по материалу постройки, по плану, по размерам, по системе расположения валов и прочих чешских и других славянских городищ, о чем мы здесь подробнее говорить не будем, так как этот специальный предмет выходит за пределы нашей темы.

К числу древнейших чешских городищ автор относит городища с глиняными валами и среди них на первое место ставит: Тетин, вдовья резиденция св. Людмилы; Либице и Брацлав, связанные с именами династий Славниковичей и Вршовичей; упоминаемый несколько раз у Козьмы Пражского в XI—XII вв. Левый Градец, затем Дживич, связанный с именем князя Олджиха, и др. (стр. 242).

По рассказу Аль-Бекри, относящемуся к западным славянам, славяне большую часть своих крепостей строят таким образом: они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливали в вал, укрепивши ее досками и сваями, наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту³. Это показание Аль-Бекри о земляных или глиняных городах-крепостях у западных славян подтверждается археологическими изысканиями Пича. О Праге (Фрага) тот же арабский источник сообщает, что она выстроена из камня и извести и представляет собою богатейший из городов по торговле. «Приходят к нему из города Краква (Кракова) русы и славяне с товарами и приходят к ним (жителям Фраги) из стран тюрок мусульмане и евреи и тюрки, также с товарами и с миткалями византийскими, и вывозят от них муку, олово и разные меха. Страна их лучшая из стран севера и богатейшая жизненными припасами...»⁴.

О размерах городищ на территории восточных северян подробно говорит проф. Самоквасов. Таким образом, города значительных размеров имелись в древности не только у северян, но и у других племен Киевской Руси, что говорит о соответственном развитии торгово-промышленной и культурной жизни древней Руси. Согласно данным археологических исследований, большие городища, состоящие из двух, иногда и из трех

¹ Данилович, цит. соч., стр. 178—183.

² См. его «*Čechy za doby knížecí*». *Starožitnosti země česke*. Díl II, sv. 1. V Praze, 1909, стр. 201 сл.

³ Л. Куник и В. Розен, Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. Спб, 1878, приложение к т. XXXII, ЗАН, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 49.

укрепленных площадей, лежащих рядом, обведенных каждое валами и рвами, как, например, в Чернигове, имеются в каждой волостной группе и представляют собою остатки так наз. старейших городов, т. е. волостных общественно-административных, судебных, военных и религиозных центров, где жил волостной князь и собиралось вече. Городища небольших размеров представляют собою остатки младших волостных городов или волостных пригородов, известным образом связанных со старейшим городом и координировавших свою деятельность с его решениями, или же пограничных укреплений («мал городок»).

Таким образом, древнеславянский, русский «город», южн.-сл. «град», чеш. *hrad* или польск. *gród*, сначала просто как укрепленный территориальный пункт, а с течением времени, как укрепленное поселение, был нераздельно слит с территорией волости, или жупы, составлял с нею одно целое и вначале не имел своего собственного имени, а назывался или по имени племени, для которого он служил укрепленным пунктом, или по имени своего основателя; многие же мелкие земляные города-крепости или бастионы, не развившиеся в пригороды, вероятно, были безыменными. Другими словами, город—*civitas* и волость—жупа, кастеляния, будучи разными предметами по существу, на военно-административном и юридическом языке означали у древних славян в историческое время, повидимому, одно и то же, т. е. волость. Чешский археолог Пич объясняет это тем, что имя старейшего города волости заслонило собою с течением времени имя племени, что, как он предполагает, относится ко времени еще до Козьмы и Нестора, т. е. до XI в. «Лучан (племя) современные люди,—пишет Козьма,—называют теперь по городу *Zates*—жатчане». Имя же *provincia*, т. е. волость *Zates*, сплошь да рядом выступает у Козьмы вместо имени племени: *provincia Belina* вм. имени племени лемузов; *provincia Gradec* вм. имени племени хорватов. Подобный же процесс исчезновения племенных названий J. Pič отмечает также и на Руси, где племенные имена полян, северян, кривичей, словен оказались довольно рано заменены названиями: «земля Киевская, Черниговская, Смоленская, Новгородская» и т. д.¹.

¹ Dr. J. Pič, *Cechy za doby knížecí*, т. I, 1909, стр. 299; Е г о же, *Starožitnosti země české*, cz. III.

Подробнее о славянских городах см.: W o s e l, *Pravěk země české*. Praha, 1868, стр. 388 сл.; Д. С а м о в а с о в, *Древние города России*, 1873; Е г о же, *Северянская земля и северяне по городищам и могилам*, М., 1908; Е г о же, *Исследования по истории русского права*, М., 1908, стр. 21—25; A n d r e, *Wendische Wanderstudien*, 1874, стр. 98—132; статья «Heidenschanzen und Steinwälle der Lauzitz»; P i t s c h (Pič), *Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage*. Leipzig, 1886, стр. 148—268—«Die altslavischen Burgen»; J. Pič, *op. cit.*, стр. 201—323; 355—388; B r a n i š, *Staročeské brady*. Praha, 1909.

